Г.В. ЧУДИНОВА

ОСВОЕНИЕ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ НОВГОРОДЦАМИ В ТРИЛОГИИ ЕВДОКИИ ТУРОВОЙ «КЕРЖАКИ»

Писательница и журналистка Евдокия Турова (псевдоним Валентины Ивановны Овчинниковой) в своей трилогии «Кержаки» излагает собственную, оригинальную точку зрения на освоение Пермского Прикамья новгородцами и на культуру крестьянского быта. Впервые книга была издана небольшим тиражом в Перми на спонсорские деньги в конце 2005 г., первая её часть – «Серебряный след» – вышла в 2006 г. в Кирове (Вятке) в соавторстве с Андреем Пономарёвым, несколько глав из второй части – «Слезы лиственницы» – были опубликованы в первом номере журнала «Урал» за 2006 г. и удостоены литературной премии им. П. Бажова, после чего «Кержаки» были переизданы в Перми в 2007 г. в издательстве «Маматов» и получили краевую премию по итогам 2008 г.

«Серебряный след» – историко-художественное исследование взаимосвязи новгородских, вятских и пермских земель в средние века. В вятском издании его первая, историческая глава носит название «Вятская община – новгородская Америка». Авторы книги предлагают свою версию становления Вятки, полагая, что основание города было не результатом случайного похода ушкуйников, а серьёзно продуманным и масштабно реализованным проектом. «Вятский проект» задумало и осуществило самое влиятельное новгородское сословие землевладельцев: «Самые отчаянные головы, самые свободолюбивые торговцы и ремесленники, самые мощные и умелые крестьяне населили вятское междуречье, основали Хлынов и Слободской. Так и напрашивается параллель с потоком предприимчивых

Чудинова Галина Васильевна – Пермский областной институт повышения квалификации работников образования, г. Пермь

мигрантов из Западной Европы, отправившихся в Америку за лучшей жизнью, свободной от рабства, угнетения и войн» (1).

Если под освоением вятских и пермских земель необходимо понимать не только хозяйственно-экономическое, но и духовное освоение края, то неизбежно встаёт вопрос о наличии у переселенцев православной веры и степени её чистоты и твёрдости, коль скоро трилогия называется «Кержаки». И вот тут-то атеистическая мировоззренческая позиция авторов в полной мере проявилась в трактовке исторических фактов и событий, создании образов героев, художественных деталях, что сделало первую часть трилогии наиболее спорной. Конфликт первой части – соперничество республиканского Новгорода и великокняжеской Москвы, их борьба за ресурс; и православие под пером авторов для обеих враждующих сторон не более, чем камуфляж. Симпатии А. Пономарёва и Е. Туровой всецело на стороне предприимчивых новгородцев, наладивших товарообмен с вогульскими шаманами: восточное серебро эпохи Сасанидов – блюда, кувшины, бокалы – изымалось, якобы, у них в невероятно огромном количестве в обмен на «огненную воду», «вотку» или самогон, служащий шаманам галлюциногеном при их ритуальных плясках.

Художественная канва повествования связана с тем, как княжескому лазутчику Эльдэнэ удалось выведать секрет обогащения новгородцев: он, переодетый в одежды жителей леса и свободно владеющий несколькими их языками, становится свидетелем как грабительского товарообмена, так и изготовления в вотяцкой деревне «вотки» или «кумышки» из пророщенной ржи, что выращивалась в вятской фактории новгородцев. Именно «вотка» и вымененное на неё восточное серебро, названное впоследствии «пермским», легло в основу благосостояния новгородцев и вятичей, что весьма напоминает действия полностью утративших христианскую первооснову американцев и западноевропейцев по отношению к туземцам покорённых ими стран. Вятка в «Серебряном следе» – разбойничье гнездо ушкуйников и, одновременно, место, неподалёку от которого находилась житница ржи, идущей на брагу и самогон. Но невольно возникают вопросы, как могла одна-единственная житница обеспечить всех вогульских шаманов огромным количеством «огнен-

ной воды» и как могли эти шаманы ежегодно получать от вождей своих племён по мешку серебряных изделий: за каждое из них новгородцами давалась лишь небольшая кожаная фляжка самогона.

Бегство крестьян с вятских земель, по мнению авторов первой части трилогии, началось ещё в XV–XVI вв., до раскола, и бежали они в будущий Оханский уезд Пермской губ. Поэтично воссоздан в книге крестьянский мир кержаков: «Народец-то был не абы какой, отменный был народ. Рослые, статные, мощные, ретивые в работе и молитве. Жили в новгород-ских избах с крепким старинным хозяйством. Сеяли рожь, получая самые высокие урожаи. Держали много скота, имели пруды и мельницы, жатки и маслобойки. Зажиточны были, торговали и умели преуспеть.

Грамотны были кержаки, да такие ещё были грамотеи! Книги свои неподъёмные, рукописные и печатные, знали от корки до корки и толковали в богословских текстах! Это были люди несуетливые, с характерной осанкой, с прямой спиной, выражением спокойного самоуважения. Отношение ко всему крестьянскому труду было у них – страстное. Избу такой мужик рубил – страстно, землю пахал – страстно, молотил ли, молол, дорогу ли мостил – всё делалось с желанием и со страстью. Неуёмные созидатели, они всегда искали новые места для свободных поселений. И куда такой мужик ни придёт, моментально плотинка насыпана, пруд накоплен. На плотинке – мельница, на пруду – гуси. Изба стоит, коровы с овцами пасутся. И рожь насеяна, и ребята наделаны» (2).

Следует допустить, что какая-то часть крестьян-новгородцев, осевших на вятских землях, освоила при помощи жителей соседних деревень вотяков (удмуртов) производство самогона, но не употребляла его сама, подобно западноевропейским протестантам-пуританам, – и здесь образное сравнение «новгородская Америка» вполне уместно: Америка осваивалась далёкими от подлинного христианства прагматиками-пуританами. Весьма вероятно, что часть этих вятских крестьян переселилась на пермские земли, но каковы основания называть этих переселенцев кержаками?

По мнению Е. Туровой, слово «кержаки» родилось в Сиби-

ри, где так называли крестьян-староверов, а затем вернулось на Урал. Народная молва отметила этих людей как особый народ: «Объединяло их бросающееся в глаза сходство бытовых порядков, моральных принципов, характера людей. ,,Кержачить“ означало – быть строго чистоплотным, иметь свою посуду, вести достаточно замкнутый образ жизни. Кержак упрям, самостоятелен, прижимист, работящ» (3). В общепризнанной исторической традиции слово «кержаки» возникло от названия р. Керженец, притока Волги, как географического обозначения тех мест, откуда в большом количестве бежали крестьяне после трагедии русского раскола середины XVII в. Отличительной чертой подлинных кержаков было прежде всего их стремление сохранить крепость и нерушимость святоотеческой веры, несмотря на все мыслимые и немыслимые испытания, выпавшие на их долю. Таким образом, дораскольные переселенцы из новгородских и вятских земель с их прозападным, прагматичным образом жизни и изначально ослабленной и подорванной святоотеческой верой никак не могут быть названы кержаками и название книги не вполне соответствует её содержанию и действительности.

Вторая и третья части трилогии: «Слезы лиственницы» и «Расцветали яблони и груши» – убедительно иллюстрируют этот тезис. Судьбы большинства героев книги драматичны, трагичны, изломаны: таков жизненный путь Тимофея Турова, Тимки Гоёнка, – человека смелого, красивого, незаурядного, но из-за отказа от веры и крестьянского труда, из-за многочисленных любовных похождений ставшего изгоем в своей деревне, вынужденного в советские времена осудить жестокость и красных, и белых, выступить против всех, а потом скрываться под чужим именем. Писательница при создании книги широко использовала архивные документы и материалы: нередко за вымышленными фамилиями скрыты реальные человеческие судьбы.

Книга производит на вдумчивого читателя неоднозначное впечатление. Для трилогии характерная сказовая манера изложения, воссоздан не только быт, но и язык крестьян: «шуликаны», «гойло», «закорки» и многие другие словечки. История д. Верхние Кизели Большесосновского р-на Пермской обл., как и жизнеописание семейств Туровых и Катаевых, дана на фоне не менее драматической истории страны, где была раскрестья-

нена лучшая часть её жителей. Из-под пера писательницы вышла книга о стойком, грамотном, трудолюбивом, но утратившем веру предков пермском крестьянстве. Уникальность книги Е. Туровой состоит в том, что в ней воспроизведён быт и труд лучшей части прикамского русского крестьянства.

При чтении книги невольно возникает ассоциация с вымышленным округом Йокнапатофа из романов У. Фолкнера, но перед нами вполне конкретная и реальная территория – это исконно старообрядческий юго-запад Пермского края: Оханский и Большесосновский уезды, Верещагино, Бородулино, д. Верхние Кизели: «Родные места навсегда остались в памяти Тимофея, во всех его жизненных скитаниях: широкая пойма как в ладонях держит прихотливо вьющуюся речку, заливные луга. Речек много, и зовётся такое место – поречье. Причудливо петляет Обва, течёт речка Сива, мелкий Буть, бойкая речонка Табарка и много ещё ручьёв и речушек» (4). Перед нами повествование в рассказах, об одних и тех же героях во второй и третьей частях книги говорится несколько раз, с разных точек зрения, здесь налицо фолкнеровский приём многоглазия и многоракурсности изображения.

Самыми образованными в России оставались старообрядцы, как зажиточные промышленники, так и крестьяне. Достаточно привести такой пример из второй части книги Е. Туровой: с 1802 по 1823 гг. крестьянин-старообрядец Оханского уезда Пермской губ. Логин Викулович Левин судился со Строгановыми из-за произвольного захвата ими земель вместе с жившими там крестьянами. Земли предназначались для строгановского Очерского завода. Он собрал в Пермской казённой палате все необходимые документы и представил их в суд. Логина поддержали его сын Филипп Левин и крестьянин Михайло Долганов. Судебное разбирательство прошло несколько этапов и дошло до самого императора: теперь дело было представлено крестьянами как незаконный захват государственных земель. Образно и художественно достоверно представлена в книге борьба крестьянина-старообрядца за правду и справедливость и все этапы этой борьбы: «Всё, Логин, ты проиграл. Живи, как все, воруй графский лес. отлынивай от крепостных работ, уймись. Плетью обуха не перешибёшь.

А мужик сдаваться не собирается, он думает. И в эту умную крестьянскую голову пришёл совершенно неотразимый, просто железный аргумент. Логин смог подняться над ситуацией и представить её не как свою личную проблему, а (говоря современным языком) как спор двух хозяйственных субъектов: графа Строганова и государя императора. Он подаёт в суд на Фёдора Захара Чистякова за то, что тот, отдавая земли Строгановым, неправомочно распоряжается казённым, то есть царским, имуществом! А также и сообщает, сколько леса Строгановы уже вырубили, и что это ущерб казённым (то есть государственным!) интересам» (5). Александр I приказал Строгановым исправить межу и заплатить в казну за вырубленный лес. Логин Левин благодаря своей грамотности и воле вывел из крепостной зависимости не только себя и свою семью, но и ещё четыре деревни и двенадцать починков. Так крестьяне защищали свои базовые ценности: собственность и свободу, – пользуясь исключительно современными им правовыми средствами. Данный исторический факт невольно вызывает вопросы: кто же в имперской России были носителями правосознания? Крестьяне или подкупленные государственные чиновники, защищавшие в судах интересы местного олигарха? И не тогда ли вспыхивал знаменитый «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», когда закон нагло попирали те, кто был обязан его защищать? Эти вопросы не утратили актуальность и поныне. Крестьяне-старообрядцы – Логин Туров с сыном и другом – благодаря грамотности и стойкости выигрывают суд у Строгановых, а их потомки в третьей части книги бунтуют против произвола кавказцев в русской деревне.

Многие сцены и эпизоды трилогии потрясают воображение: гибель двух наивных молодых австрийцев-интернационалистов, приехавших вскоре после революции 1917 г. с куревом и сквернословием отнимать зерно у староверов и поплатившихся за это жизнью, история приключений француза Пьера Дюро в Оханском уезде и другие. Вот как, в частности, изображена старообрядческая деревня первой половины XIX в. глазами француза: «Когда Пьер Дюро в первый раз заехал к староверам, подумал было, что попал в другую страну. В Перми его сильно пугали этими знаменитыми русскими фанатиками... Зашёл в

деревню Верхние Кизели – опрятно неописуемо. Небольшая деревня на берегу пруда. Мельницы: водяная на плотине и ветрянка крыльями крутит. Маленькая, тёплая, хорошо устроенная Вселенная в зелёной раме высоченного елового леса, прилепившаяся к подножию угора. Дома огромные, в домах чистота просто уже свирепая. Всё выскоблено и вычищено. Пьяных нет ни одного, никто не курит. Народ степенный, знай себе, робит» (6). Но более всего читателя поражает удивительная стойкость и несгибаемая воля героев трилогии. Подобно тому, как до сих пор стоит на негниющих пермских карагаях-лиственницах славный Веденец – Венеция, – так веками держалась на крестьянах-старообрядцах Россия. На царской службе им доверяли охрану царей, зная их верность данному слову и присяге; в годы Великой Отечественной войны множество потомков старообрядцев из Пермской обл. полегли на полях сражений, верой и правдой защищая отчизну: «Устилая путь Денисами, да Михайлами, да Николами армия шла на Сапун-гору, в днепровскую тёмную воду, через Одер, на Берлин. Отборный человеческий материал, сильные, здоровые, честные мужики из Кизелей погибли все» (7).

К недостаткам трилогии можно отнести не только несоответствие названия её содержанию, но полное отсутствие в ней красоты древлеправославных обрядов и духовно-нравственного возрождения её героев под воздействием истинной веры. В книге совсем не изображены священники-старообрядцы с их чистотой нравов, судя по отсутствию священства, герои книги могут быть отнесены к беспоповцам.

В предисловии «От автора» о героях книги сказано так: «Кержаков, этого удивительного малого народа, сейчас уже нет. Но они не бесследно прошли свой исторический путь. Есть обжитая земля, хоть и заселённая порой беспамятными и неблагодарными потомками. Есть сами эти потомки, внуки-правнуки, забывшие, кто они есть, порой забывшие не по своей воле» (8). Действительно, по предсказаниям Отцов Церкви, все этносы, отступившие от Бога, предавшие его ради выгоды, рано или поздно погибнут. Так и в книге Евдокии Туровой забывшие святоотеческую веру старообрядцы и их потомки обречены на гибель, но подлинные кержаки, бежавшие на пермские земли

от раскола, ныне живущие в Верещагино, Менделеево, Очёре, Сепыче, Бородулино и других городах и посёлках юго-запада Пермского края, сохранившие древлеправославную веру в её святости и чистоте, ныне являют собой лучшую часть русского этноса и народа. Несомненно, что возродить гибнущую деревню сможет только сельская православная община, и это посильно нынешним кержакам. Читателям нужна правда о старообрядцах, об их огромной роли в истории духовного и материального освоения Пермского края, и, думается, что такая книга рано или поздно должна появиться.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пономарёв А., Турова Е. Серебряный след. Новгород – Вятка – Пермь. Вятка, 2006. С.7.
2. Турова Е. Кержаки. Пермь, 2005. С.1.
3. Там же. С.1.
4. Там же. С.82.
5. Там же. С.78.
6. Там же. С.66.
7. Там же. С.144.
8. Там же. С.1–2.